

РОБИН ФОКС

НАША РЫБКА

Издательство АСТ
Москва

*I have an audience with the Pope
And I'm saving the world at eight
But if she says she needs me
She says she needs me
Everybody's gonna have to wait**

Elbow — An Audience with the Pope

ПРОЛОГ

Страшно, когда забываешь то, что должно навсегда остаться в памяти. Лица в воспоминаниях уже не такие четкие, как раньше, голоса звучат словно изда-лека, и чувства, которые испытывал, превращаются в тревожное эхо, будто они — это краска на стене, выцветшая и облупившаяся от времени. И только случайная мелочь — старая песня, какая-нибудь не-лепая вещица, чей-то смех или запах — может на долю секунды вернуть тебя туда... В это прошлое, которое, несомненно, лучше любого настоящего, — так уж водится.

* У меня назначена встреча с Папой,
А в восемь я спасаю мир.
Но если она скажет, что нуждается во мне,
Всемирно придется подождать.

Я вынужден рассказать вам кое-что из своей жизни, потому что боюсь: проснусь однажды, а вместо моих воспоминаний останется какая-то чудовищная пустота. Пусть лучше будет хотя бы текст.

С тех пор как закончилась моя история, прошло около двух лет. Этого хватило, чтобы понять: раны лечит совсем не время — нет, это душная пыль улиц оседает на воспоминаниях, это ненавистный город заставляет тебя биться в его ритме. Он отвлекает от навязчивых мыслей, заполняя твою глупую башку мелкой ерундой. Грязь застилает глаза, представляя весь мир в ином свете.

Что стало со мной сейчас — неважно. Важно только то, что было раньше.

Пожалуй, этого хватит для вступления. Получилось довольно пафосно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Раньше мой писательский опыт ограничивался лишь школьными сочинениями и редкими графоманскими заметками в «живом журнале». В общем, к писательству меня не тянуло. Дневников не вел, стихи не сочинял. Существованию «живого журнала» я теперь очень благодарен, потому что могу обращаться к нему, чтобы вспомнить точные даты некоторых событий, важных для этой истории. Я, как уже сказал, пользовался им нечасто, никому не открывал доступа и сам не понимал, с чего вдруг решил доверить виртуальному пространству тайны личной жизни. Теперь мне кажется, мной руководило что-то свыше. По-другому и не объяснить. Не будь моего блога, я бы не стал вам ничего рассказывать — у меня просто не хватило бы сил написать все заново.

Руки дрожат у меня и сейчас, когда я не сказал еще ни слова по делу. Я и в жизни так рассказываю: полчаса ненужных бредней, а потом сразу конец истории. И здесь лучше не будет, не надейтесь.

В общем, остановите меня, кто-нибудь.

* * *

Запись от 7 ноября

Вагон метро трясло, как разваливающуюся телегу на ухабистой проселочной дороге. Оранжевый свет моргал, и, когда вдруг он выключался полностью, окошко соседнего вагона светилось зеленым, и все пассажиры в нем тоже казались зелеными.

Возле ближайшей двери стоял крупный парень в полицейской форме и, воровато оглядываясь, царапал ключом по стеклу. Я от нечего делать следил за ним, пытаясь разглядеть, что он старается изобразить. На станции двери разъехались в стороны, и полицейскому пришлось подвинуться влево, чтобы впустить новых пассажиров. «Бря...» — успел прочитать я на мутном стекле. Затем поезд нырнул в туннель, и свет опять неприятно замигал.

Люди в вагоне хмурились. Все это было привычным, и я, кстати, выглядел не веселее окружающих. Когда я подумал об этом, то сразу же попытался улыбнуться, потому что остро захотелось ни в коем случае не походить на остальных пассажиров. Тут же стало казаться, что люди, гроздьями нависавшие надо мной со всех сторон, сменили выражения лиц на еще более злые, и все на меня уставились. Картину довершала женщина: она читала книгу и плакала, на нее падали зеленые блики из окошка соседнего вагона, придавая лицу нездоровый вид.

На следующей станции толпа схлынула, появились свободные места. Петя, спавший всю дорогу, неожиданно толкнул меня в бок локтем.

Напротив нас сидела огромная тетка в бобровой шубе с жирно покрашенными плоскими губами и вишневого цвета волосами. Бобриха была настолько большой, что занимала полтора места и то и дело

промокала платком влажный лоб. Я догадался, что мой друг вряд ли указал именно на нее, и перевел взгляд на мужика, сутулого и оплывшего, сидевшего с женщиной по соседству. Мужик тупым взглядом сверлил рекламный плакат и теребил полу пальто, выпятив вперед нижнюю челюсть. Мне пришлось несколько раз перевести взгляд с него на «бобриху» и обратно, прежде чем я заметил, что между ними зажата миниатюрная девушка, похожая на хрупкий цветок, по ошибке выросший в стране гигантов и уродливых монстров. У нее были длинные темно-рыжие волосы, короткая челка, как у какой-то известной актрисы прошлого, и разного цвета глаза — один карий, другой серо-синий.

Я чуть не подпрыгнул — передо мной восседала троица явно из фантастического мира. Женщина-бобр, мужик, похожий на плешивого уездного чиновника из русской классики, и эта девчонка с разноцветными глазами!

Девушка, поглядев на нас ровно столько, сколько мне требовалось, чтобы рассмотреть ее глаза, вернулась к чтению журнала, лежавшего у нее на коленках. Толстая тетка все вытирала лицо и толкала ее рукой, длинный сосед слева безмозгло хлопал белесыми ресницами. Эта троица надолго завладела моим вниманием, поэтому, прослушав объявление нужной станции, но узнав ее по вестибюлю, я рванулся к выходу, когда двери почти закрылись. «Брянск», — прочел я на стекле послание, оставленное полицейским, и тут меня поймал за рукав куртки Петя.

— Мы не выходим? — удивился я.

Петя покачал головой и покосился в сторону разноглазой девушки, которая, как мне тогда показалось, еле сдерживала улыбку.

Я остолбенел. За окном проехал заснеженный ноябрьский пейзаж, и поезд повез нас прочь от «Измайловской».

Я чувствовал себя странно. Пытаясь разгадать, что задумал этот идиот, а точнее, пытаюсь убедить себя, что он совсем ничего не задумал, я смотрел себе под ноги, и во мне возобновили борьбу два противоположных начала: первое из них тянулось ко всему хорошему и светлому, второе — к тайному, желанному и нежеланному одновременно, к запретному, неправильному и оттого очень забавному.

* * *

Теперь мне следует отвлечься и объяснить вам, почему поведение Пети привело меня в ступор.

В моем блоге нет ранних записей на эту тему, но я с уверенностью могу сказать, что наше безумство началось не так давно и тогда я еще не решил, как сам ко всему отношусь. Возможно, вы сейчас подумаете, что я говорю о какой-то страшной тайне. Верно, это тайна, но она не такая уж и страшная. Мы не делали ничего преступного. Просто наш секрет касался той стороны жизни, о которой не принято никому говорить.

Впрочем, пока вы не подумали о чем-нибудь совсем... ну, мерзком — вроде того, что мы были маньяками и поджидали маленьких девочек в Битцевском парке, — я расскажу, с чего все началось. Оставлю на время мой древний пост про незнакомку с глазами разного цвета и вернусь к нему позже.

Мою девушку звали Иришкой, она была милым созданием с пухлыми губками и отработанным наивным взглядом. Еще она была моей первой настоящей любовью, поэтому я отчаянно из-за нее страдал.

Сейчас мне уже трудно в это поверить, и, глядя на наше общее фото, хочется спросить: «А что это за безобидное ничтожество рядом с блондинкой?». Ой. Это ведь я...

О, вот я и нашел точную дату, которая перевернула все вверх дном и начала цепочку событий, заставивших меня седьмого ноября проехать мимо станции «Измайловская». Я только что листал свои записи в блоге и наткнулся на эту: «24 сентября. Был на дне рождения Вадика...». Да, двадцать четвертого сентября я пришел на день рождения своего друга Вадима один. Настроение было плохое, еще когда я даже не добрался до нужного этажа. Я механически передвигал ногами, поднимаясь по ступенькам, вдыхал сырой запах подъезда и с каждым шагом все сильнее хотел развернуться и побежать обратно. Мысли крутились вокруг Иришки, вокруг нашего последнего телефонного разговора. Я был подавлен. Чувствовал себя обманутым неудачником, каким-то жалким придурком. И да, я пытался быть злым. Так легко быть злым, когда тащишься один по вонючему подъезду! Мне хотелось чего-то от нее требовать, хотелось силой заставить ее обращаться со мной нормально, мне хотелось много всего, но я приближался к двери квартиры, за которой уже началось бурное веселье, и надо было изображать полное отсутствие проблем.

До меня доносились громкие голоса, по интонациям я понял, что разгорелся спор.

— Здорова! — При этом Вадик, открывший мне дверь, выглядел донельзя веселым. — Вечно ты тормозишь! Два часа назад ждали!

В прихожей стоял отчетливый душок не стиранных носков вперемешку с одеколоном именинника.

— С днем рождения.

— А где Иришка? — вместо банального «спасибо» отозвался Вадик. Такт не был ему присущ.

— Не смогла приехать, но передала тебе привет.

— Не смогла? Что это за дела у нее такие?

Ответ он не дослушал, понимая, что сказать мне совершенно нечего, и вразвалочку пошел в комнату, где царил настоящий хаос. Я был в таком состоянии, что, ляпни Вадик что-нибудь еще, мог бы убить его, но он потерял ко мне интерес и вернулся к прерванной перепалке с остальными гостями.

За столом сидело человек десять. Я знал всех, потому что эти люди были завсегдатаями наших вечеринок. Незачем их перечислять — у вас будет еще достаточно возможностей узнать о них поподробнее. Для начала познакомлю только с Таней Морозовой, потому что она, неся что-то из кухни, остановилась около меня и поцеловала в щеку в самой душевной манере; и с Дроздовой, потому что из всех приглашенных только ее я видел всего второй раз в жизни, но был о ней наслышан, и еще потому что меня привлекал вырез ее блузки. По слухам, скромностью она явно не отличалась. Как по мне — была еще и туповата, да и не слишком симпатична. Она была чьей-то дальней школьной знакомой и вообще оказалась среди нас случайно.

Несмотря на раннее похолодание и открытые форточки, в комнате стояла духота. Я пробрался к дальнему концу стола, где Петя, стоя коленками на стуле, сердито смотрел на жирного Вадика.

— Да что такое это ваше искусство? Это же ничего... пустота! Картинки, кому они нужны? Ну музыка еще куда ни шло.

Что? Вадик, опять? Двадцать пятый раз? Не надоело?

— А что такое эта твоя дерьмовая экономика? Эфемерное порождение системы. А искусство первично, оно появляется вместе с человеком! Искусство — это единственное, чем человечество может гордиться! — выкрикнул Петя и залпом выпил рюмку коньяка. Я не понял этого его жеста. Но «эфемерное порождение системы» мне, конечно, понравилось. Интересно, сколько алкоголя он уже в себя влил?

— Правильно, Петя, — гнусаво заметил Григорий.

Кстати, Григория тоже надо представить сейчас. Григорий — это наш друг-поэт. Он пока никому не известен, но мы всегда ему говорим, что его ждет признание. На самом деле я в это не верил и не верю — он родился в неподходящее время. Разве сейчас кому-то есть дело до поэзии? И до поэтов, которые даже не зарегистрированы в соцсетях? На что он рассчитывает, дурик?

Самое смешное, что все зовут его именно Григорием, а не Гришей. Он, как и полагается, страшно чудной, кое-кто посмеивается над его странностями. Но я ручаюсь за свои слова: Григорий порой бывает в разы нормальнее всех нас, вместе взятых.

Спор, естественно, разгорелся с новой силой. Кто-то вступился за Вадика, девушки стали поддерживать Григория. Петя налил в пустую рюмку еще коньяка, протянул ее мне.

— Где Ира на этот раз?

Я промолчал. Петя, в отличие от некультурного именинника, обычно был тактичен и никогда до этого дня не лез ко мне с расспросами касательно Иришки. Но сейчас он был разозлен, пьян и вообще будто бы не в себе.

— Снова уехала к друзьям?

— Да, — отозвался я хмуро.

— К друзьям-фотографам?

От его иронии мне стало еще гаже. Эти мифические Иришкины «друзья-фотографы» раздражали меня даже заочно. Я не был с ними знаком, но ненавидел за то, что они крали прямо у меня из-под носа дорогого человека.

— Почему ты тоже не поехал? — В Петинем голосе слышалась претензия.

— Она меня с собой не звала.

— Так и что? С какой стати ты ждал приглашения?

— Ну... — Я запнулся и попытался вслушаться в то, что кричала Вадик Таня Морозова.

— Это сколько уже длится? Сколько ты с ней встречаешься? — перешел в наступление Петя.

— Год. Почти. Но все было отлично. Это только сейчас... Какие-то ее друзья... — Я не мог сложить слова в одно предложение — говорить об Иришке было для меня равносильно признанию, будто бы ее любовь ко мне прошла. Я снова посмотрел на Таню, на ее живот. А, я же не сказал вам! Таня была беременна. Они с Серегой Морозовым недавно поженились. Я испытывал легкий страх, едва представлял себя на их месте — обзаводиться семьей и ребенком в двадцать два года мне совсем не хотелось, но теперь Таня с круглым животом показалась мне такой хорошей, такой верной, такой любящей, что я чуть было не пошел и не поцеловал ее от прилива нежности.

— Ну вот кем ты будешь работать, скажи мне? — Вадик снова начал докапываться до Пети. — А, Воронцов? Да плевал я на твою гордость за искусство. Все это хрень полная! Кем ты работать-то будешь? В музее вместо бабок сидеть и следить за посетителями?

— Ва-адик, ну что ты набрасываешься весь вечер на Петеньку... — протянула Дроздова.

Поговаривали, что Петя ей очень нравился.

— Не слушай его, — тихо сказал я Пете, а он повернулся ко мне и воскликнул:

— Да она там завела себе кого-то! Крутит перед кем-то своими сисечками (любимое Петино слово!), как она любит, а тебе просто врет. А ты ведешься, как придурок! Не можешь даже сказать ей, чтоб она хоть познакомила тебя с этими ее друзьями. Понятно, что она тобой пользуется, ты же ей позволяешь.

Я до того не ожидал от него такого, что сначала чуть было не ударил, но вовремя остановился. Он же был прав.

Не помню, что было дальше, — по-моему, я просто долго сидел на диване, и со мной почти никто не общался. Зато Петя в какой-то момент оказался возле Дроздовой, которая стала так откровенно к нему липнуть, что это заметил даже наш узколобый Вадик.

— Воронцов сменил своего голубка на Дроздову?

К слову, под «голубком» он имел в виду, как вы могли догадаться, меня. В нашей компании давно повелись шутки насчет того, что Петя Воронцов якобы интересуется мужчинами. Не знаю, с чего это началось, возможно, причиной была его внешность, за которой он тщательно следил, некая манерность или то, что никто и никогда не видел его с девушкой, хотя противоположному полу он определенно нравился — все наши подружки в его присутствии начинали ворковать и прихорашиваться. В общем, не имею понятия. Хотя мы сдружились очень тесно, тогда я его об этом не спрашивал.

На выпад Вадика Петя никак не отреагировал; думаю многих это и настораживало — я имею в виду то, что шуточки подобного рода он всегда воспринимал очень спокойно и не отнекивался.

Когда я в следующий раз повернулся в их сторону, Дроздова уже чуть ли не легла на Петю своей грудью. Мне было так плохо, что я пил не переставая и через пару часов был уже хорошенький. Однако опьянение не сильно спасало меня от мыслей об Иришке. Мне не нравилось, что она была частью той же компании, что и я; что ее тут знали даже больше, чем меня; что на ее поведение смотрели сквозь пальцы; что многие втайне меня жалели, но никто и слова ей не сказал. Я предчувствовал катастрофу, я опасался, что, когда придет час нашего расставания, весь мир рухнет.

— Выпей-ка. — Очутившись рядом, Петя пододвинул мне бокал.

— Куда сейчас вина-то! — сказал я, но выпил. Он умел на меня влиять. Не знаю почему. Мне всегда казалось, что мы с ним вроде как «заодно». — Что ты там делаешь с Дроздовой? На вид она такая шлюха...

Петя одобритительно закивал:

— Внутри она такая же, как и на вид.

— Что же ты там с ней зажимаешься?

— А тебе что? — Очень странно было слышать это от него. — Ты все депрессируешь? Давай, распускай слюни. Даже меня бесит думать о твоей Иришке. Как тебя самого не бесит? Может, хочешь на ней жениться?

Я пожал плечами.

А что. Ну, в принципе... если подумать. Мне все-таки двадцать один год, не так уж и мало.

Воронцов расхохотался.

— Пошли.

— Куда? — спросил я. Из комнаты только что вышла Дроздова и с пошленькой улыбочкой посмотрела на Петю.

— Жениться будем. — Он потащил меня из-за стола.

Народу к этому времени стало больше, я уже перестал различать, кто когда пришел. В коридоре не было света, я споткнулся о кучу чужой обуви и влетел в распахнутую дверь маленькой комнаты. Дверь за мной закрылась, и в темноте, разбавленной оранжевым светом уличного фонаря, я различил силуэты Дроздовой и Воронцова — видел бы кто, что они делали, вряд ли бы потом говорили, что Петя предпочитает парней.

Дроздова совсем не удивилась, когда он полез руками в ее вырез. Она только приглушенно засмеялась и присосалась к его губам, больше никакой ее реакции я не помню. Я стоял, похожий на тень, без движения, и зачем-то на них смотрел. Я был так пьян, что мне все это стало даже нравиться. Их смутные движения, тихое посапывание, глупые смешки начали действовать на мое сознание. Всё постепенно превратилось в размытый сон, всё произошло независимо от меня, само собой. Вскоре я стал чувствовать руками ее тело, потом уже сидел на чужой кровати со спущенными штанами, видел Петино лицо, на которое падали резкие блики фонарного света, слышал сдавленные стоны Дроздовой — он закрывал ей рот рукой. Интересно, она переигрывала? Я не испытал тогда никакой неприязни, наблюдая за их взаимными ласками, не испытал ее и тогда, когда Дроздова растегивала мне ширинку и когда следил

словно в замедленной, замутненной съемке за торопливыми на самом деле движениями Воронцова, за его чувственным и в то же время холодным лицом: он прикрывал глаза, его ресницы вздрагивали.

Когда все закончилось, мы вели себя как ни в чем не бывало. Особенно я. Когда это во мне открылся такой актерский талант? Что, групповушка? Нет-нет, это не про меня, как вы могли подумать! Я просто отлучился в клозет.

Мы вышли из комнаты и обнаружили, что никто даже не заметил нашего отсутствия. Япил что-то, смеялся, но как-то бесчувственно, словно продолжался мой странный сон, начавшийся полчаса назад в маленькой спальне Вадима. Я ушел домой около часу ночи, пока не закрылось метро. На прощание меня снова поцеловала в щеку Таня Морозова, я сказал ей какую-то нелепость, что-то вроде невнятного признания в любви. Ее муж Сергей пожал мне руку, а Петя только как-то бегло взглянул и продолжил разговаривать с поэтом Григорием. Про Дроздову я вообще забыл и вспомнил о ней, осознав все произошедшее, только когда стал подходить к своему дому — к этому времени из головы немного выветрился алкоголь. Холодная сентябрьская ночь застала меня в таком состоянии, которое трудно описать. Я остановился и долго стоял на месте, глядя на бездушные кубы домов, черные, окруженные такой же чернотой, будто это мой внутренний мир внезапно выплеснулся вовне. Меня потрясывало: то ли от холода, то ли от выпивки. А внутри шевелилось что-то мерзкое. И оно было напрямую связано со мной, Воронцовым и Дроздовой. И с тем, что мы трахались. Сразу после того как я всерьез подумал о свадьбе с Иришкой.

Все изменилось, я шагнул в какую-то дверь и попал в другой мирок, жалкий и чужой, из которого никак нельзя было вернуться обратно. «Если о том, что я сделал, никто не узнает, то можно не рассказывать Иришке», — мелькнула гнусная мысль. Но это бы точно не прокатило — Иришка была знакома с Дроздовой.

Я побрел домой, потому что у меня заоченели ноги в летних кедах.

— Котик, ты пришел? — крикнула мне из ванной мама.

— Пришел, — ответил я.

— Как повеселились?

— Мам, потом. Я хочу спать.

Я снял куртку, пошел к себе и рухнул на кровать.